

Гу Яньшу инстинктивно огрызнулся:

— Когда ты заботился...

В этот момент в его сознании всплыл фрагмент воспоминания. Он обнимал Бай Ицина, спрашивая, почему тот раздевает его, а потом... еще и «поцеловал»...

Воспоминания нахлынули, и Гу Яньшу почувствовал стыд и злость:

— Ты! Зачем ты меня вчера поцеловал!

— А? — Бай Ицин слегка приоткрыл глаза и тихо сказал:

— Ты все время спрашивал, почему я тебя раздеваю. Мне пришлось поцеловать тебя, чтобы отвлечь.

— А зачем ты меня раздевал!

Бай Ицин почувствовал, что голова болит еще сильнее. Почему он снова завел этот разговор?

— Я уже говорил, я не раздевал тебя. Просто, когда помогал тебе переодеться, я неправильно застегнул пуговицы и пришлось расстегнуть их снова.

Это объяснение Гу Яньшу принял:

— Ладно.

Посмотрев на градусник, он увидел, что температура была 38,6. Это уже высокий показатель, и если она поднимется еще, можно сварить мозги. С беспокойством он сказал:

— Не спи, поедem в больницу.

Бай Ицин, находясь в полубессознательном состоянии, услышал его слова и, хотя не разобрал их, ответил:

— Ммм... ладно...

Гу Яньшу поднял его на руки, и в этот момент он почувствовал сильный запах феромонов. Аромат белого чая с легкими древесными нотками исходил от шеи Бай Ицина. Но ведь на нем был подавляющий ошейник? Как так?

Гу Яньшу снял ошейник, и запах в комнате мгновенно усилился, становясь невыносимо соблазнительным.

— Ммм... собери свои феромоны! — Гу Яньшу одной рукой зажал нос, а другой прикрыл железу Бай Ицина.

Тот почувствовал, как рука коснулась его железы, и тело сразу же ослабло:

— Ты... не трогай там...

Он открыл глаза, в которых стояли слезы, делая его вид еще более жалким и соблазнительным.

— Собери феромоны, слишком сильный запах. — Гу Яньшу не послушал его и надавил сильнее.

От этого прикосновения к вчерашнему укусу Бай Ицин вздрогнул от боли и с обидой проговорил:

— Я не могу их собрать... Я же говорил тебе, что не могу контролировать свои феромоны, почему ты не веришь?..

Возможно, из-за болезни, Бай Ицин не только не мог контролировать феромоны, но и свои эмоции. Слезы бесшумно катились по его щекам, падая на подушку.

Увидев, что он плачет, Гу Яньшу забеспокоился:

— Нет! Почему ты плачешь?

Бай Ицин молчал, но внутри чувствовал обиду. Все эмоции, которые он сдерживал с момента их первой встречи, вырвались наружу под предлогом болезни.

Эмоции вышли из-под контроля, и феромоны распространялись еще сильнее. Гу Яньшу не оставалось ничего, кроме как успокаивать его:

— Не плачь, хорошо? Я поверю тебе, ладно?

Несмотря на внутреннюю боль, Бай Ицин сохранял ясность ума. Слабой рукой он прикрыл свою железу и сказал:

— Надень на меня ошейник.

— Нет, он не поможет. — Гу Яньшу показал ему ошейник. — Он сломан.

— Сломан? — Бай Ицин посмотрел на ошейник. — Как так?

— Не знаю, но сейчас проблема в том, что ты не можешь собрать феромоны, и я уже почти в точке. — Тело Гу Яньшу постепенно напрягалось, дыхание становилось неровным.

— Может... ты выйдешь... Оставь меня одного в комнате...

Гу Яньшу посмотрел на него, и в его глубоких глазах было что-то непонятное для Бай Ицина. В итоге он ничего не сказал и вышел из комнаты. Звук закрывающейся двери отозвался в сердце, вызывая легкую дрожь.

Бай Ицин подумал: «Что за... Ушел, даже не сказав ни слова... Как это бессердечно...»

Он свернулся калачиком, зарываясь в постель, и попытался укрыться одеялом, чтобы согреться. Человек ушел, комната опустела, вокруг царил тишина.

Подушка быстро становилась мокрой, а одеяло слегка дрожало.

Бай Ицин не понимал, что с ним происходит. Он не мог сдержать слез, не мог справиться с болью. Он пожалел, что попросил Гу Яньшу уйти. Даже если бы тот его взял, это было бы лучше, чем сейчас. Он действительно ненавидел одиночество.

В детстве он всегда был один. Родители родили его, но не воспитывали, оставив с бабушкой. После ее смерти дом опустел. Там было темно, а ночью раздавались странные звуки. Он боялся, но ничего не мог поделать.

Теперь он лежал на мягкой кровати, залитой солнечным светом, но его сознание все еще находилось в том маленьком доме, в темноте, полной насекомых...

Он свернулся все сильнее, словно ребенок в утробе матери, голова полностью уткнулась в колени. Говорят, эта поза дает чувство безопасности. Голова болела, словно ее ударили чем-то тяжелым, ногти бессознательно впивались в кожу рук.

Глаза болели и горели, открывать их было больно, поэтому он просто закрыл их, плача беззвучно.

Неизвестно, сколько времени прошло, но вдруг одеяло было сдернуто, и холодный воздух обжег его кожу. Однако вскоре он оказался в теплых объятиях.

— Ты становишься все горячее? — Голос Гу Яньшу раздался рядом, звуча слегка недоуменно.

Бай Ицин открыл опухшие глаза и увидел перед собой Гу Яньшу. Солнечный свет окутывал его, придавая золотистый оттенок. Его легкая улыбка, как всегда, раздражала, но от нее невозможно было отказаться... Обняв его за шею, Бай Ицин с дрожью в голосе спросил:

— Ты где был?

Гу Яньшу замер, не зная, стоит ли обнять его или отстраниться, но в итоге неуверенно похлопал по спине, мягко успокаивая:

— Я пошел купить тебе лекарство.

Его голос был мягким, словно теплая вода, обволакивающая Бай Ицина. Казалось, он выложил всю свою нежность перед ним:

— Ну что, почему плачешь?

— Мне плохо... — Бай Ицин прижался к его шее, жалуясь:

— Голова болит, горло болит, глаза болят...

— Ну, это нормально, у тебя температура. — Гу Яньшу вспомнил, как отец успокаивал его в детстве, и попытался сделать то же самое. — Выпей лекарство, и станет легче.

Сказав это, он достал подавляющий ошейник и надел его на Бай Ицина:

— Сначала надень ошейник, хорошо?

Бай Ицин молчал, только крепче обнял его за шею. Гу Яньшу, одной рукой поглаживая его спину, другой помогал надеть ошейник.

Надев его, он заметил, как сильно он укусил Бай Ицина прошлой ночью. На нежной коже остался синяк, а на месте укуса была корочка. В сердце защемило, и он легонько коснулся этого места:

— Больно?

— Болит... — Бай Ицин всхлипнул и хрипло сказал:

— Все время болит... С самого начала болит... Я же говорил тебе не трогать, а ты все равно надавил, мне больно...

Гу Яньшу не ожидал таких жалоб и, с трудом сдерживаясь, только произнес:

— Прости.

Затем он надел ошейник.

На самом деле, перед тем как войти, Гу Яньшу принял препарат, снижающий чувствительность к феромонам Омег, но концентрация в комнате была слишком высокой, и источник нужно было блокировать. Однако в таком состоянии Бай Ицин не мог принимать ингибиторы, поэтому оставалось только надеть ошейник.

Жалобы начались, и их было трудно остановить. Бай Ицин продолжал изливать свои обиды:

— Ты постоянно называешь меня распутником, бесстыдником, но я же не такой.

— Ты думаешь, только тебе плохо? Я спокойно работал, был счастлив, а потом меня вдруг вызвал господин Бай решать твою течку, даже не дав возможности отказаться.

— Ты думаешь, только ты впервые? Я тоже! — Бай Ицин, все больше злясь, смотрел на широкие плечи Гу Яньшу и не удержался, укусив его. — И ладно бы ты был хорош, но ты еще и не признаешь, что плох!

Гу Яньшу был ошеломлен и хотел рассердиться, но, глядя на слабого и покрасневшего Омегу в своих руках, сдержался. Однако на одно он ответил:

— Я не плох!

Бай Ицин усмехнулся:

— Хм...

Гу Яньшу подумал: «Что это за насмешка? Ты что, специально притворился больным, чтобы обругать меня?»

<http://bllate.org/book/15562/1384816>